

После представления, когда публика уже разошлась, Чэн Фэнтай всё сидел, не двигаясь с места, и никак не мог прийти в себя. Он размышлял о том, что такие классические трагедии, как «Ромео и Джульетта», которые ему доводилось видеть, в сравнении с пьесой Шан Сижую были всё равно что «Маленькая вдова, посещающая могилу» [1] — вместо душевной боли одно лишь жеманство да попытка разжалобить публику всхлипывающими детьми. Хотя «Дворец вечной жизни» рассказывал всем известную историю любви между императором и наложницей, в интерпретации Шан Сижую она сильно переменялась: теперь акцент в ней ставился не на романтических чувствах, а на превратностях жизненного пути. Величественный стиль пьесы не мог не тронуть сердце мужчины.

[1] «Маленькая вдова, посещающая могилу» 小寡妇上坟 (Xiǎo guǎfù shàngfén shì) — традиционная аньхойская опера, основанная на народных песнях, танцах и легендах. По сюжету молодая деревенская вдова с маленькими детьми приходит на кладбище на праздник Цинмин, чтобы прибраться на могиле мужа.

Множество людей в зрительном зале аплодировали Шан Сижую и восклицали «Браво!» — их привлекла громкая слава, слухи и царящее в театре оживление — но сколько из них по-настоящему понимали его искусство? Ведь если бы они в самом деле поняли, то сидели бы сейчас в забытьи, подобно Чэн Фэнтаю, не в силах даже пошевелиться, в ожидании, когда зачарованная душа вернётся из странствия по золотому веку танской династии.

Чэн Фэнтай вновь взял платок, перевернул его, вытер слёзы, высморкался и наконец вышел из театра. Он разревелся, как последний сукин сын, и теперь не мог появиться за кулисами из боязни осрамиться.

На улице шёл снег — это был первый снег этой зимой в Бэйпине. Чернильное небо противостояло девственно-чистой земле, будто весь мир разделился на инь и ян. Засунув руки в карманы, Чэн Фэнтай медленно двинулся по направлению к переулку Логу. Лао Гэ дважды просигналил ему, спрашивая, не желает ли второй господин сесть в машину, но тот не отозвался. Понятия не имея, что с ним приключилось, водитель почёл за нужное больше его не трогать, так что просто снизил скорость до предела и медленно покатил вслед за ним.

Тем временем Шан Сижуй за кулисами снимал грим, выслушивая славословия Шэн Цзыюня — тот непременно заходил после каждого выступления, чтобы петь ему восторженные [2] дифирамбы — казалось, сегодня он был преисполнен ещё большего возбуждения, чем исполнитель главной роли.

[2] Восторженные — в оригинале чэньюй 眉飞色舞 (méi fēi sè wǔ) — в букв. пер. с кит. «брови взлетают, цвета прыгают», обр. в знач. «ликовать, восхищаться, прийти в восторг».

Шан Сижуй продолжал то и дело поглядывать на дверь — так и не дождавшись Чэн Фэнтая, он наконец не выдержал и прервал Шэн Цзыюня:

— А где же второй господин?

— Кажется, перед представлением он успел где-то напиться, и у него из-за света фонарей заслезались глаза. Наверно, он так и сидит на том же месте, приходит в себя.

Тут Шан Сижуй и сам припомнил, как, выходя на поклон, успел заметить следы слёз на лице Чэн Фэнтая. Странное выражение его лица встревожило Шан Сижую — Чэн Фэнтай будто с трудом сдерживал сильнейшую боль. Это никак не походило на опьянение. Сняв остатки грима с помощью масла, Шан Сижуй тут же бросился обратно на сцену — но в ложе уже никого не было. Уйти не попрощавшись было совсем не похоже на второго господина, и это привело Шан Сижую в ещё большее недоумение. Не обращая внимания на продолжающего звать его Шэн Цзыюня, он запалил фонарь «Летучая мышь» и поспешил в тёмный проулок за театром — лишь там он наконец заметил спину Чэн Фэнтая, который удалялся сквозь снег. Казалось, его терзали тысячи мучительных эмоций, и это порождало тревогу.

Шан Сижуй не стал догонять его — вместо этого он прибавил огня в фонаре и какое-то время молча наблюдал за ним. Он хотел задать второму господину множество вопросов — как он сегодня играл? Понял ли он его выступление? Понравилось ли ему? Однако что-то подсказывало Шан Сижую, что сейчас стоит повременить с вопросами. Снег валил всё сильнее, и вскоре силуэт Чэн Фэнтая растворился за его завесой, тогда Шан Сижуй вернулся в театр.

Было уже за полночь, а Чэн Фэнтай всё брёл сквозь снег, Лао Гэ напрасно следовал за ним всю дорогу до дома. Пальто Чэн Фэнтая промокло насквозь, а его волосы и плечи покрылись слоем тающего снега. Зайдя в ворота, он направился напрямик во внутренний двор, не проронив ни слова встретившимся по пути слугам. Поскольку вторая госпожа по-прежнему придерживалась порядков маньчжурской аристократии, когда она отправлялась спать, во дворе женской половины дома рядами дежурили привезённые ею в Бэйпин служанки, чтобы в любой момент можно было послать их с поручениями. При виде Чэн Фэнтая тётушка Линь, которая стояла на страже во флигеле, обрадовалась ему и, расплывшись в улыбке, принялась сметать снег с его плеч.

— Что за день такой сегодня? Второй господин, желая вернуться домой, не побоялся даже эдакого снегопада! Вторая госпожа нынче рано отошла ко сну, а четвёртая барышня за ужином переела йогурта, и теперь у неё немного болит живот, так что она приняла лекарство и тоже легла.

Повернувшись к тётушке Линь, Чэн Фэнтай пристально всмотрелся в её лицо, слегка сдвинув брови. Смущённая подобным вниманием служанка в недоумении вновь обратилась к нему, но Чэн Фэнтай всё продолжал на неё таращиться, и выражение лица у него было, будто он только что очнулся от кошмара. Схватив его за руку, тётушка Линь встряхнула его несколько раз — никакого отклика.

— Второй господин! — испуганно воскликнула она. — Второй господин, что с вами? Инхуа [3]! Инхуа, скорее позови вторую госпожу!

[3] Инхуа 樱 (yīnghuā) — имя служанки означает «цветы вишни (или сакуры)».

Вторая госпожа привыкла к тому, что муж нередко проводит ночи вне дома, в особенности когда его угощает Торговая палата — ведь после застолья никак не избежать оживлённого общения с его хозяевами — а потому она давно уже уснула, держа на руках младшего сынишку. И вот среди ночи переполошённые служанки — молодая и старая — ввалились к ней в спальню, таща за собой Чэн Фэнтая, у которого был абсолютно потерянный вид. Перепугавшись не на шутку, вторая госпожа с помощью служанок раздела мужа, вытерла его и напоила горячим молоком. Чэн Фэнтай бесстрастно позволял им вертеть себя, кормить и раздевать, но никак не реагировал на это — его дух будто покинул тело.

Вторая госпожа в ужасе переглянулась с тётушкой Линь.

— Близится Дунчжи [4], — понизив голос, сказала служанка. — Боюсь, как бы второй господин не подцепил по дороге что-то нечистое.

[4] Дунчжи — здесь 冬至 (dōngzhì), иное написание 22 сезона традиционного сельскохозяйственного календаря Дунчжи 冬至 (dōngzhì), или Зимнего солнцестояния. На Дунчжи приходится один из дней поминовения усопших, а потому он считается довольно опасным с той точки зрения, что к человеку может привязаться какая-то потусторонняя сущность.

— Вам немало лет, вы многое повидали, — обеспокоенно отозвалась вторая госпожа. — Скорее избавьтесь от этой нечисти!

— Это несложно, — заверила её тётушка Линь, после чего принесла с туалетного столика горшочек с румянами, обмакнула в него кончик пальца и, что-то бормоча себе под нос, собралась было провести линию между бровей Чэн Фэнтая.

Но тот внезапно очнулся и, схватив служанку за запястье, отвёл её руку:

— Что это ты делаешь?

Вторая госпожа и тётушка Линь вздохнули с облегчением и, хлопывая себя по коленям, принялись посмеиваться:

— Вот и славно! Второй господин, вы только что были одержимы.

— Что за чепуха? — недовольно нахмурившись, отмахнулся от них Чэн Фэнтай. — Ступайте отсюда, я спать хочу. — Тут он заметил, что лежащий на кане младший сынишка проснулся из-за поднятой женщиной суматохи — однако вместо того, чтобы расплакаться, он бесшумно лежал под одеялом, распахнув большие смыслённые глаза.

— И его пусть заберут! — раздражённо велел Чэн Фэнтай, указывая подбородком на младенца.

— Сейчас, сейчас! — засуетилась вторая госпожа.

Когда служанки унесли третьего маленького господина, Чэн Фэнтай залез под одеяло и испустил долгий, необычайно горестный вздох.

В подобном упадке духа вторая госпожа не видела мужа с тех самых пор, когда ему было шестнадцать — тогда его семья разорилась и он потерял всё, а потому она не могла не встревожиться. Склонившись к уху Чэн Фэнтая, она прошептала:

— Что эти люди из Торговой палаты тебе сделали? Опять чинят тебе препятствия?

Чэн Фэнтай молча покачал головой.

— Тогда что с тобой приключилось?

— Ничего особенного, — ответил Чэн Фэнтай, прикрыв глаза. — Просто тоска взяла.

Обычно вторая госпожа делала вид, что не придаёт его переживаниям большого значения, однако в глубине души она любила его, как родное дитя. При этих словах она прониклась к нему такой жалостью, что не знала, что и делать.

— Отчего же ты тоскуешь? — нежно спросила она, поглаживая лицо Чэн Фэнтая тонкими пальцами.

— Ян-гуйфэй повесилась, а Тан Мин-хуан умер от скорби.

От подобного заявления брови второй госпожи изумлённо взлетели, и она царапнула его ногтём по подбородку:

— Ты что, спятил?

— Да, я спятил, — спокойно согласился Чэн Фэнтай.

На этом вторая госпожа погасила лампу и тоже легла в постель — у неё пропала всякая охота с ним разговаривать. Когда Чэн Фэнтай сходит с ума, лучше не обращать на это внимания.

Чэн Фэнтай ещё долго не мог отойти от дикого опьянения «Дворцом вечной жизни» Шан Сижую, и потому молчал целыми днями напролёт, будто его дух покинул тело. Он больше не выходил ни развлекаться в компании с женщинами, ни играть в маджонг, ни на деловые переговоры. В одночасье утратив интерес ко всему, он затворился в доме и курил сигары, подводил счета и вздыхал, не выходя из состояния душевного оцепенения. Временами он

просто обнимал свою сестрёнку Чачу-эр и сидел с ней день напролёт. Она читала, обвив шею брата руками, а Чэн Фэнтай будто бы грезил наяву, так что комнату оглашал лишь тихий шорох страниц. Когда вторая госпожа натыкалась на эту сцену, она не могла удержаться от упрёков:

— Твоя сестра уже взрослая барышня, как ты можешь вот так с ней обниматься? Хотя вы с ней брат и сестра, всё же между женщинами и мужчинами следует делать различие! Как ты это объяснишь, если кто-нибудь увидит?!

Однако Чэн Фэнтай вот так обнимался с Чачей-эр уже семь лет кряду и не видел в этом ничего неподобающего. Если его что-то тяготило, в объятиях младшей сестры ему всегда становилось легче. Когда в их дом пришла беда, Чача-эр была ещё совсем маленькой, будто живая куколка, и лишь постоянно обнимая её, Чэн Фэнтай находил в себе силы пережить тяжёлые времена. После стольких лет Чача-эр так привыкла нежиться в руках брата, что это нисколько не мешало ей заниматься своими делами: есть, читать, складывать оригами или попросту дремать.

Похоже, сегодня Чэн Фэнтай всё же услышал наставления жены краем уха.

— Так ты у нас взрослая барышня? — повторил он, похлопав Чачу-эр по попе.

— Угу, — отозвалась девочка.

— Значит, старшему братцу больше не следует обниматься с тобой. Слезай.

Поёрзав, Чача-эр так и не сдвинулась с места, и Чэн Фэнтай был этому только рад. Приподняв брови, он устремил беспомощный взгляд на жену, продолжая как ни в чём не бывало держать Чачу-эр в объятиях.

Вторая госпожа не знала, что и сказать на это. Однако, поразмыслив, она решила, что в последние дни Чэн Фэнтай и впрямь пребывает во власти какого-то безумия, так что, если ему так уж хочется обниматься с младшей сестрой — пусть себе пообнимается пару дней, уж лучше это, чем какие-то чудачества. Немного погодя она вызвала к себе водителя Лао Гэ, чтобы как следует его расспросить. Характер Чэн Фэнтая порядком отличался от нрава других богатых господ — он не держал при себе личного слуги, так что Лао Гэ был самым близким человеком из его окружения. Стоило водителю услышать, что его хочет видеть вторая госпожа, как у него затряслись ноги и застучали зубы от страха, и он тут же выболтал ей половину правды о «Малой резиденции», а именно, признал, что второй господин Фань прячет там танцовщицу. На самом деле Лао Гэ и сам не знал правды о помешательстве Чэн Фэнтая, а потому лишь мельком упомянул театр «Цинфэн» и Шан Сижую. Услышав это, вторая госпожа тут же призвала к себе младшего брата и обрушилась на него с обвинениями:

— Скажи-ка мне, что ты сотворил со своим старшим зятем? Ты только взгляни, что с ним стало — ни ест, ни пьёт, совсем сник — и всё из-за тебя!

Фань Лянь, у которого Чэн Фэнтай в «Малой резиденции» отобрал женщину, был всё ещё на него зол, а потому ему было непросто найти слова для оправдания. Свесив голову, он молча принимал попреки старшей сестры. Наконец, с силой сведя брови, он вздохнул:

— Эх, ну раз так, пожалуй, зайду к нему... Попрошу у этого почтенного господина прощения.

На сей раз Чэн Фэнтай не обнимался с Чачей-эр, потому что девочка ушла заниматься музыкой. Второй господин возился с граммофоном, который привёз из Шанхая. Его долгое время не запускали, и то ли на нём губительно сказалась царящая в традиционном китайском доме влажность, то ли попросту вышла из строя какая-то деталь — так или иначе, он не желал издавать ни звука. Когда Фань Лянь вошёл, Чэн Фэнтай поманил его к себе:

— А ты вовремя! Ты ведь учился на инженера? Помоги-ка разобраться, отчего он не играет!

Фань Лянь хотел было ответить, что он потратил столько времени на учёбу не ради прихотей того, кто ведёт себя с ним, будто с посторонним, и всё же он приблизился, раздражённо заметив:

— Братец, да ты же вилку в розетку не вставил — было бы странно, если бы он играл!

Когда электричество было подключено, из граммофона полился мягкий чарующий женский голос — он исполнял песенку, популярную на Шанхайской набережной пару лет назад. Едва заслышав нежные обволакивающие звуки южного выговора певицы, Фань Лянь почувствовал, как у него размякают кости [5]. Опустившись на стул, он отпил чаю, наслаждаясь переливами мелодии. Внезапно Чэн Фэнтай со скрежетом сменил пластинку. Эту пачку пластинок давно не доставали, так что конверты уже успели пожелтеть. Не дослушав и пары фраз, второй господин вновь сменил пластинку, и так же бегло [6] перебрал ещё несколько. Наконец в комнату вбежала служанка:

— Второй господин, третья барышня жалуется, что звук слишком громкий, вы ей мешаете.

[5] Размякли кости — в оригинале 骨頭鬆 (gǔtōu fèng fā yǎng) — в букв. пер. с кит. «зачесался до костей».

[6] Бегло — в оригинале 趁興 (chèn xīng) (zǒumǎ guānhuā) — в пер. с кит. «любоваться цветами на скаку», обр. в знач. «мельком, поверхностно».

— Ясно, — помахал рукой Чэн Фэнтай. Когда служанка вышла, он швырнул стопку пластинок на кан, затем забрался на него сам и, прислонившись к окну, закурил. — Отвратительно. Ни одна не способна усладить слух.

Фань Лянь присел рядом с ним, перевернул пластинки и аккуратно сложил их.

— Если уж это тебе не нравится, то кто же способен тебе угодить?

После продолжительного молчания Чэн Фэнтай медленно произнёс:

— Шан Сижуй.

Тут-то в уме Фань Ляня всё наконец сошлось. «Я уже давно смекнул, что между вами двумя какие-то грязные делишки, а ты ещё и отрицал!» — злорадно подумал он и с умыслом спросил:

— Как я посмотрю, второй господин начинает проникаться оперой?

Взглянув на него искоса, Чэн Фэнтай улыбнулся.

Тут-то Фань Лянь окончательно уверился в своих догадках. Он хлопнул Чэн Фэнтая по колену, а потом встряхнул его:

— Так дело в опере? Тогда это легко уладить: у меня есть все его пластинки, забирай на здоровье. Но если тебя интересует не только опера...

Фань Лянь покачал головой. Сперва он хотел дать Чэн Фэнтаю совет, но тут же решил, что это бесполезно. Другие люди легко проникались к Шан Сижую жалостью, потому что не знали, что он из себя представляет; однако что до Чэн Фэнтая, то он прежде слышал сплетни и не раз видел Шан Сижую воочию — а на празднике в честь первого месяца сына ему довелось созерцать безумие этого человека во всей красе. Если Чэн Фэнтай угодил в сети этого актёра, то, должно быть, он и сам повредился рассудком — тогда никто уже не сумеет убедить его сойти с этой гибельной дорожки.

— На самом деле, мне и впрямь понравилась не только опера, — попыхивая сигарой, ответил Чэн Фэнтай. — Но не воображай на этот счёт всякий вздор.

Фань Лянь весь обратился во слух [7]. Чэн Фэнтай поджал губы и долгое время подбирал слова, прежде чем смог сформулировать фразу:

— Я чувствую, что у Шан Сижую есть что-то на сердце. Он не столь прост, как кажется на первый взгляд. Он воистину сошёл со страниц пьесы.

— Когда я впервые увидел его в Пиньяне, — с улыбкой поведал Фань Лянь, — то посвятил ему такие слова: «Тело — в мирской суете [8], душа — в пьесе». Разумеется, он непрост — я давно это понял. В противном случае я бы на него и не взглянул после того, как он так жестоко обошёлся с Чан Чжисинем. Талант, достойный восхищения, — со вздохом добавил он.

— Я говорю не о том, как хорошо он поёт, в этом я ничего не понимаю, — возразил Чэн Фэнтай.

— Я имею в виду, что... его душа самого высшего свойства, его мысли и чувства отличаются тонкостью и богатством. Он не из тех актёров, что полагаются на один лишь голос, в сравнении с ним даже мы с тобой — не более чем бурдюки для вина и мешки для риса [9], ходячие мертвецы.

— Эй, говори за себя! — со смехом возразил Фань Лянь. — Нечего приплетать тут меня, нет никаких «нас».

Чэн Фэнтай улыбнулся ему, но против обыкновения не стал язвить в ответ. У Фань Ляня возникло чувство, что его старший зять внезапно сделался очень тихим, будто к нему вернулась юношеская застенчивость. На самом же деле раньше Чэн Фэнтай был именно таким, просто, занявшись торговлей, он привык иметь дело с людьми самого низкого пошиба. Претерпев всевозможные беды [10] брэнного мира, он сам мало-помалу сделался изрядным мерзавцем и проходимцем [11], однако когда ему доводилось встретиться с чем-то, что по-настоящему трогало его сердце, то эта сторона его натуры вновь возвращалась к жизни.

[7] Обратился во слух — в оригинале чэньюй 洗耳恭听 (xǐ'ěrgōngtīng) — в пер. с кит. «промыть уши и почтительно внимать», обр. в знач. «внимательно слушать, отнестись с полным вниманием».

[8] Мирская суета — в оригинале 红尘 (hóngchén) — в пер. с кит. «багровая пыль», обр. также в знач. «столб пыли, мишура, показная роскошь».

[9] Бурдюки для вина и мешки для риса — в оригинале чэньюй 酒囊饭袋 (jiǔnáng fàndài), обр. в значении «никчёмный человек, дармоед».

[10] Всевозможные беды — в оригинале 三千 (sānqiān) — в пер. с кит. «три тысячи», обр. в знач. «очень много» и «три тысячи кар», «всевозможные наказания».

[11] Проходимец — в оригинале чэньюй 油嘴滑舌 (yóuzuǐ huáshé) — в пер. с кит. «масляные уста и скользкий язык», обр. в знач. «легкомысленный, болтун, шутник».

— Прежде я не понимал, отчего эти школяры вместо того, чтобы хорошенько заниматься своей наукой, сближаются с актёрами, — продолжил Чэн Фэнтай. — Однако после встречи с Шан Сижуюем мне это открылось. Младший шуруин, не скрою от тебя, что я...

Но в этот самый момент Чача-эр, закончив занятие, распахнула дверь и вбежала в комнату. Хлопнувшись на руки Чэн Фэнтаю, она заявила, что устала и хочет спать, совершенно не обращая внимания на присутствие Фань Ляня. Тот поспешно вскочил на ноги — он хотел было предостеречь старшего зятя, но не мог сделать этого при девочке. Чэн Фэнтай зажал в зубах сигару, снял с Чачи-эр верхнюю одежду, укутал её в одеяло, взял на руки и обнял. Фань Лянь не раз наблюдал, как его старший зять обжимается с женщинами самого разного сорта, флиртуя с ними, и теперь, когда он увидел, как Чэн Фэнтай обнимает младшую сестру, ему стало не по себе, так что он поспешил попрощаться и вышел.

После разговора с Фань Лянем Чэн Фэнтай успокоился. Теперь он наконец прозрел и твёрдо знал, чего хочет. С наступлением ночи он протёр лицо горячим полотенцем, нанёс крем, принарядился — и вот такой расфранчённый, напомаженный [12] и благоухающий отправился на прогулку. Обычно вторая госпожа больше всего на свете ненавидела, когда он вот так уходил из дома и шатался не пойми где — по делу или без — будто ночной бродяга. Однако то, что муж несколько дней безвылазно просидел дома, не на шутку встревожило вторую госпожу, и потому, когда он вновь начал вести себя как обычно, это её только порадовало — пожелав ему развеяться как следует, она заверила его, что в доме всё спокойно и он может не торопиться обратно.

Этой ночью Чэн Фэнтай направился к Шан Сижую.

[12] Напомаженный — в оригинале 油頭粉面 (yóutóufěnmian) — в пер. с кит. «жирная голова, напудренное лицо», обр. в знач. «густо покрашенный, размалёванный», а также «франт, щёголь» и «проститутка».

На сей раз он не пошёл за кулисы. Повсюду раскинулось белое полотно «малых снегов» [13], и Чэн Фэнтай, велев Лао Гэ припарковать машину у входа в проулок, просто молча сидел на заднем сидении и курил. Маленькие снежинки залетали в полуоткрытое окно и ложились ему на лицо, но Чэн Фэнтай будто этого не замечал. А вот Лао Гэ начал замерзать — он то и дело вжимал голову в плечи и потирал ладони. Оглянувшись на Чэн Фэнтай, он подумал, что хозяин в последнее время и впрямь не такой, как обычно. Вот, к примеру, ждёт здесь Шан Сижую, который сейчас выступает — так не лучше ли было бы посидеть за кулисами, в тепле и уютё? Неужто, оставаясь под снегом у его дверей, он таким образом проявляет уважение к этому Шану [14] — иначе зачем бы ему так делать?

[13] Малые снега 小雪 (xiǎoxuě) — двадцатый сезон китайского сельскохозяйственного календаря, наступает 22-23 ноября, отнесён ко второй половине десятого лунного месяца.

[14] Оставаясь под снегом у его дверей, он таким образом проявляет уважение к этому Шану — возможно, в оригинале присутствует игра слов: 尚門 (Shàng mén) — как букв. «ворота Шана», так и «школа Шана, последователи Шана», а следующее за ними 剩 (shèng) — как букв. «оставаться под снегом», так и «проявлять уважение к учителю, стремиться к учёбе».

Когда представление закончилось, у ворот театра собрались заядлые театралы и долго не расходились в надежде хоть одним глазком взглянуть на Шан-лаобаня и воздать ему почести лично. Однако именно из-за того, что там столпилось множество возбуждённых людей, Шан Сижуй не решался показываться, дабы не послужить причиной беспорядков. Около получаса спустя запал поклонников наконец иссяк, и они постепенно разошлись — теперь в переулок лишь по двое-по трое выходили актёры, которые играли в пьесе. Актрисы, судя по их броским нарядам [15], спешили на ночные вечеринки, у входа в переулок их дожидались рикши. Наконец в противоположном конце переулочка показались медленно идущие рука об руку Шан Сижуй и Сяо Лай — хозяин и служанка шли под одним зонтом. Поскольку Шан Сижуй был выше на голову, он держал зонт, а у Сяо Лай на сгибе локтя висел ротанговый короб — должно быть, там был чайный набор Шан Сижую и закуски. Под снегом они жались друг к другу — эта картина казалась исполненной душевного тепла.

Едва завидев Шан Сижую, Чэн Фэнтай внезапно потянулся к рулю и дважды нажал на клаксон — Лао Гэ аж подскочил от неожиданности. Шан Сижуй и Сяо Лай одновременно обернулись на сигнал; Шан Сижуй тут же узнал машину по маленькой блестящей женщине на бампере [16] и расплылся в радостной улыбке. Увидев выражение его лица, Сяо Лай и сама догадалась, чья это машина — ей уже давно не доводилось видеть, чтобы кто-то так поднимал настроение её хозяйину одним своим появлением. Девушка вмиг переменялась в лице и замерла на месте, не желая идти дальше.

[15] Броские наряды — в оригинале чэньюй 花花 (huāzhī zhāozhǎn) — в пер. с кит. «цветущие ветки во всей красе», обр. о нарядной женщине.

[16] Маленькая блестящая женщина на бампере — украшающая капот автомобилей марки Роллс-Ройс фигурка «дух экстаза» — символическое изображение богини Ники. С 1923 года стала непременным атрибутом автомобилей этой марки, с 2003 года права на фигурку принадлежат фирме BMW.

Подробнее см. в примечаниях в конце главы.

При взгляде на Чэн Фэнтай Сяо Лай вспомнился Пинъян. Тогда Чан Чжисинь тоже был известным покровителем труппы «Шуйюнь». Третий господин Чан казался приятным и культурным человеком с тонким вкусом, который к тому же был весьма щедр. Он даже уговорил брата и сестру Шан и Цзян поставить для него «Легенду о Белой змее». Однако Сяо Лай знала, что Шан Сижуй невзлюбил Чан Чжисиня с первого же взгляда — как-то он по секрету сказал ей: «Этот человек с самого начала был мне отвратителен — я сразу почувствовал, что он многое у меня отнимет, и я ничего не смогу с этим поделать. И сама видишь — всё так и случилось».

И сейчас Сяо Лай чувствовала то же самое по отношению к Чэн Фэнтаю.

Сунув зонтик из промасленной бумаги в руку девушки, Шан Сижуй торопливо велел ей: «Жди меня дома», а сам, не обращая внимания на сыплющий с неба снег, бросился к машине. Чэн Фэнтай уже распахнул ему дверь, схватил его за руку и втащил внутрь. Машина тут же тронулась с места, а Сяо Лай с зонтом бездумно пробежала несколько шагов следом — душа её была объята тревогой и унынием.

В машине Шан Сижуй потряс головой, стряхнул снег с одежды и лучезарно улыбнулся:

— Как долго второй господин ждал? Почему вы не прошли за кулисы?

Вместо ответа Чэн Фэнтай поглядел на него с лёгкой улыбкой, совсем не походившей на прежнюю — в ней больше не было насмешки, лишь сдержанная нежность, таящая в себе множество невысказанных слов и мыслей. Теперь он казался приличным и серьёзным человеком, лишь в глазах проглядывала еле различимая тень соблазна, говорящая о том, что он не в силах отказаться от своих намерений — всё-таки он по-прежнему оставался всё тем же повесой [17].

— Куда мы едем? — спросил Шан Сижуй.

— Позвольте пригласить Шан-лаобаня на лёгкий ужин, — растягивая слова, ответил Чэн Фэнтай. — Чего Шан-лаобань желает отведать?

— Хочу чего-нибудь сладкого, — не задумываясь, ответил Шан Сижуй.

[17] Повеса 小白脸 (xiǎobáiliǎn) — в букв. пер. с кит. «маленькое белое личико», обр. в знач. «женственный мужчина», «молодой любовник», «альфонс, содержанец».

Примечания переводчика:

[16] Маленькая блестящая женщина на бампере — украшающая капот автомобилей марки Роллс-Ройс фигурка «дух экстаза» — символическое изображение богини Ники. С 1923 года стала непременным атрибутом автомобилей этой марки, с 2003 года права на фигурку принадлежат фирме BMW.

Скульптор Чарльз Сайкс воплотил в ней «разумную скорость, грацию и красоту, дух, в котором нет ни капли вульгарности, фривольности и ража».

Моделью для статуэтки послужила Элеанора Веласко Торнтон — секретарь и возлюбленная Джона Дугласа-Скотта-Монтегю, второго барона Монтегю-Белью, друга Чарльза Стюарта Роллса и инженера Фредерика Генри Ройса — основателей компании Rolls-Royce.

<http://bllate.org/book/17750/1660369>